

Н. А. Купина
Екатеринбург, Россия**ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СЛОВАРНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ НА ШКАЛЕ ВРЕМЕНИ**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются лексикографические данные и аксиологические суждения об Октябрьской революции. Цель анализа — выявление сдвигов в картине мира, обусловленных меняющимся отношением россиян к «Октябрю-событию». Доказано, что стандартный характер толкований идеологом «революция», «коммунизм», использование идеологически «сильных» контекстов в словарях советской эпохи подчинено установке «марксизм-ленинизм учит». Идеологически выверенная трактовка социалистической революции поддерживала закрепившуюся в картине мира модель времени: секвестрированная ретроспекция; продленное актуальное настоящее, включенное в революционную эпоху; коммунистическое будущее. Выявлен набор концептуально значимых признаков: историческая закономерность революции, классовый характер, насильственное свержение отжившего государственного строя, созидательные перспективы. Обозначены механизмы сакрализации системообразующей идеологии «революция». Отмечено, что в словарях новейшего времени отсутствуют идеологические «добавки», поддерживающие ленинскую доктрину революции. Лексема «коммунизм» толкуется как мифология. Для специального анализа были использованы материалы проекта «Областной газеты» (Екатеринбург, февраль — август 2017) «100 монологов о революции». Каждый монолог представляет собой развернутое аксиологическое суждение. В совокупности данные суждения рассмотрены как свертхтекст, объединенный темой революции, хронотопом, образом автора, реализующего стратегическую установку, связанную с осмыслением феномена русской революции. Особое внимание уделено лингвоаксиологическому исследованию тематических блоков «Социальные преобразования», «Индустриализация», «Вера», «Жертвы революции». Установлено, что сдвиги в картине мира россиян обусловлены затуханием идеологием классовой, исторической неизбежности революции и революционного насилия, завершением процесса восстановления эволюционной модели реального времени при отсутствии целостного представления о будущем страны. Коллективное осмысление революции развивается в направлении от идеи к понятию на основе человекоцентризма и интегрирующей функции вневременных ценностей справедливости, духовности, сострадания, свободы выбора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиологические суждения; базовые ценности; идеологемы; политическая идеология; языковая картина мира; модели времени; Октябрьская революция; лексикография.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312; e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Столетний юбилей русской революции активизировал многочисленные попытки осмысления уроков Октября. Ярко проявляется стремление носителей постсоветской лингвокультуры сформировать независимый взгляд на события 1917 года. В то же время как в индивидуальных, так и в групповых суждениях обнаруживается непреодолимое влияние советских идеологических стереотипов, речевое тиражирование которых находилось в ведении государственных институтов.

Официальная советская идеология сформировала «дисциплинированное мышление» [Клемперер 1998: 243], предполагающее «правильное» понимание идеологием, составляющих специфику языка революционной эпохи [См.: Селищев 1928]. Ядро поля идеологием — ключевое слово *революция* (далее также *р.*), маркирующее «Октябрь-событие» [Купина 2015: 74—78; Пантин 1993: 20 и др.]. «Октябрь-событие» определяет «хронотопическую» специфику советской картины мира, включающую «как пространственный, так и временной момент» [Бахтин 1994: 16]. **Секвестрированная ретроспекция:** дореволюционное время, погруженное в пространство царской России, характеризующееся социальным неравенством, классовыми противоречиями, экс-

плуатацией труда рабочих и крестьян. **Продленное актуальное настоящее:** революционная эпоха интенсивного строительства социализма в Советской стране и других странах. **Коммунистическое будущее** в масштабах планеты: формирование бесклассового общества всеобщего равенства и благоденствия.

Употребление слова *революция* в речи сопровождалось регулярными идеологическими «добавками» масштабности, исключительности, героизма, всепоглощающей преданности идее, жертвенности, справедливости, победоносности, ликования. «Октябрь-событие» сакрализуется. Последнему способствует не только агитация и пропаганда, но и важное для русской литературоцентрической культуры направление революционного романтизма, охватившее поэзию, прозу, драматургию, а также живопись и киноискусство. В течение всех лет существования СССР слово *революция* функционировало как интеграл, обеспечивающая «интенсивность переживаемого чувства общности» [Гаспаров 2014: 16].

«Единственно верная» марксистско-ленинская трактовка *социалистической революции*, в отличие от революции *буржуазной*, представлена в словарях и справочных изданиях. Используем в качестве типового

источника многократно переиздававшийся однотомный «Философский словарь» под редакцией И. Т. Фролова. Идеи закономерности, исторической необходимости революции, неизбежности изменения общественно-политического строя каузируют употребление в словарной статье экспрессивных глаголов, значения которых содержат семы разрушения, уничтожения: *ломать, уничтожать, расчищать, ликвидировать, искоренять, ниспровергнуть* [Философский словарь 1987: 407—408]. Социалистическая революция признается «высшим типом революции», «высшей формой борьбы классов» [Там же: 408]. Исторически назревшие преобразования осуществляют «передовые классы», которые «должны ниспровергнуть существующий государственный строй» [Там же] и взять власть в свои руки. Аксиологический орнамент конструируется на базе прилагательных *новый, передовой, прогрессивный, высший*. Прилагательное *Великая* становится постоянным атрибутивным сопроводителем сочетания *Октябрьская революция*. Противоречие заключается в том, что «широкие народные массы поднимаются к сознательной борьбе» [Там же], но движущей силой борьбы за социальную справедливость становится «революционный класс» (ср. устойчивое в языке советской эпохи сочетание *пролетарская р.*). Попутно отметим, что активное употребление экспрессивной лексики продиктовано идеологической ортологией, составляющей основу советской государственной «языковой и стилиевой политики» [Григорьев 2007: 139], но противоречит нормам научного функционального стиля речи.

Заглавное словосочетание *революция социальная* толкуется как «коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового прогрессивного строя» [Философский словарь 1987: 407]. Выбор идентификатора *переворот* мотивируется латинским происхождением слова *революция*. Формулируется запрет: «Революции нельзя смешивать с так называемыми дворцовыми переворотами, путчами и т. п.» [Там же: 408]. Имплицитно данный запрет охватывает употребление сочетаний *большевистский переворот, Октябрьский переворот*. В сочетаниях типа *военный переворот (п.)*, *государственный п.*, *вооруженный п.* значение слова *переворот* приобретает отрицательную коннотацию и становится фразеологически связанным.

Трактовка *Октябрьской революции* включает ментально специфическую идею особой миссии России, получившую интерпре-

тацию в трудах русских мыслителей: «Миссия русского народа осознается как осуществление социальной правды... во всем мире» [Бердяев 1997: 374]. Идея планетарности мотивирует продленность реального послеоктябрьского времени: Великая Октябрьская социалистическая революция «предопределила неизбежность целой исторической эпохи перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе» [Философский словарь 1987: 408].

В анализируемом и других лексикографических изданиях советского периода, прошедших институциональный контроль, реализуется стереотипная дидактическая установка «марксизм-ленинизм учит», исключающая дискуссии о природе, сущности, следствиях Октябрьской революции. Незыблемыми остаются концептуально значимые дифференциальные признаки: историческая закономерность, неизбежность; классовый характер и активизация передового класса как движущей силы революционного процесса; насильственное свержение отжившего государственного строя и замена его строем справедливым, прогрессивным; построение коммунистического общества — вековой мечты человечества.

Идеологическая ортология внедряет в общественное сознание концепт идейности. «Преданность идеям марксизма-ленинизма», «бессмертным идеям Ленина» определяется как *высокая идейность* [Мокриенко, Никитина 1998: 224]. Прилагательное *идейный (у.)* маркирует проникнутое революционным учением мировоззрение (*у. воспитание, у. платформа; у. литература, у. искусство*) и сочетается с существительными лица (*у. человек, у. вождь, у. революционер, у. учитель*). «Строительство коммунизма особенно требует высокой идейности и понимания людьми своего долга» [Там же]. Человек идеи всеми силами приближает коммунистическое будущее. Сложившаяся лексическая сочетаемость зеркально отражает веру советских людей в коммунизм (*к.*): *бороться за к., верность идеям к., строительство к., путь к к., перерастание социализма в к.* [См.: Учебный словарь сочетаемости... 1978: 232].

Эффективность советской государственной идеологии определяется ее опорой на «русские искания целостного мирозерцания» [Бердяев 1997: 274]. Сформированную идеологической системой искреннюю веру в реальность коммунистического завтра можно объяснить целенаправленной «деформацией» идей русского мессианства и универсализма, русского искания царства правды» [Там же: 381]. Ленинская доктрина социали-

стической революции основана на манипуляции вневременными базовыми национальными ценностями и осознании власти языка: «...его вдыхают и живут под его диктовку» [Клемперер 1998: 256].

Авторы-составители словарей русского языка советского периода объективно оценивали роль социальных факторов в жизни языка. В предисловии к первому советскому толковому словарю под редакцией Д. Н. Ушакова находим замечание о влиянии на язык свершившейся революции: «Выпускаемый теперь словарь — попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать установившиеся нормы употребления слов» [ТСУ 1935, т. 1: XII]. «Правильное» понимание значений и значимости ключевых слов революционной эпохи вообще и лексемы *революция* в частности обеспечивали использованные в словарной статье идеологически «сильные контексты» [Григорьев 2007: 139] — прежде всего высказывания Ленина, Сталина, извлечения из партийных документов [См.: Ильенко 2003]. Иллюстративный контекст, «информируя, обучает, ориентирует, формирует представления, установки, ценности, программирует стратегию деятельности и поведения» [Дридзе 1984: 136]. Например, идеологически «сильным», мобилизующим контекстом является догматическое высказывание Ленина, иллюстрирующее употребление заглавного слова *революция*: *Освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан* [ТСУ 1939, т. 3: 1311]. Модальность необходимости создает представление об исторической обусловленности революционного насилия, ориентирует воспринимающего на персональное участие в классовой борьбе, оправдывает стратегию разрушительной деятельности во имя освобождения, диктует безальтернативный аксиологический выбор.

В словарных толкованиях имеются семантические компоненты, определяющие специфику марксистско-ленинского понимания революции. Типовой идентификатор — слово *переворот*. Характерно, что в словарях синонимов лексемы *революция*, *переворот* не фиксируются [См.: Словарь синонимов русского языка 1971, т. 2]. В отдельных случаях отмечается синонимическое сближение вторичных значений: «*р.* | в какой-либо области знаний, техники и т. п. — *переворот*» [Александрова 1968: 467].

Идеологический фильтр прошло предложенное в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова толкование, которое полностью или частично калькируется последующими словарями: «*революция* (лат. *revolutio* — переворот) — переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу» [ТСУ 1939, т. 3: 1311]. Ср. словарную статью в пятнадцатом стереотипном издании словаря С. И. Ожегова [Ожегов 1985: 599]: «*Революция* — коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего общественного и политического строя и передает власть в руки передового класса. *Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила капитализм в нашей стране*». В обоих случаях акцентируется классовый характер насильственного социального переворота, наличие передового класса, который берет в свои руки государственную власть.

Определяющая роль революции в истории отражена в следующей словарной статье, спроецированной на «Октябрь-эпоху»: «*Коммунизм* — общественная формация, идущая на смену капитализму, <...> состоящая из двух фаз: низшей (социализм) и высшей (полный коммунизм) <...>» [ТСУ 1935, т. 1: 1424]. Безотсылочная показательная иллюстрация является догматическим идеологическим суждением, утверждающим закономерность революции, неопределенность продолжения первой фазы коммунизма. Используется ставшее устойчивым сочетание *диктатура пролетариата: Переход от капитализма к коммунизму возможен только через пролетарскую революцию и длительную эпоху диктатуры пролетариата* [Там же].

Идеологема «революция» оказывается системообразующей: каузируя неизбежность насильственных разрушений во всех сферах жизни, она задает вектор общественного развития, структурирует коллективные ценностные предпочтения, определяющие участие всех и каждого в строительстве социализма и коммунизма. Сочетание *Великая Октябрьская социалистическая революция* становится устойчивым. Наряду с признаками исключительности и победоносности в значение данного сочетания включаются идеологически значимые компоненты руководящей роли партии и вождизма: «Первая в истории победоносная социалистическая революция, совершенная в 1917 году рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммуни-

стической партии во главе с В. И. Лениным» [Учебный словарь сочетаемости... 1978: 478]. Обращает на себя внимание трансформация семантической составляющей классовости: пролетарская революция интерпретируется как рабоче-крестьянская. Кроме того, партия *большевиков* [См.: Мокиенко, Никитина 1998: 420] именуется как *Коммунистическая*. Отмеченные сдвиги косвенно свидетельствуют о постепенном изменении механизмов формирования оценки события века в общественном сознании.

В словарях постсоветского периода отсутствуют идеологически и дидактически значимые компоненты, поддерживающие марксистско-ленинское понимание революции. Например: «*Революция* — коренное насильственное изменение в жизни общества, которое приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти» [ТСРЯ 2008: 823]. На первый план восприятия выдвигается социальный, но не классовый характер революции. Отсутствуют семантические компоненты закономерности, прогрессивности. В функции идентификатора используется лексема *изменение*. «Сильным контекстом» признается сочетание *Октябрьский переворот* [Там же: 624], а также сочетание *большевистский переворот* [Ср.: АЛ 2006: 182]. Слово *коммунизм* толкуется как мифологема: «Провозглашаемая как возможная и идеальная общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа „От каждого

по способностям, каждому — по потребностям“» [ТСРЯ 2008: 354].

Зафиксированное лексикографами освобождение общественного сознания от вериг государственной советской идеологии породило «спектр оценок Октябрьской революции: от определения ее как национальной катастрофы, приведшей к значительным жертвам и установлению тоталитарной системы, до апологетических суждений о том, что революция была попыткой создания строя социальной справедливости» [НЭС 2001: 1269]. Приведенное извлечение из энциклопедического словаря косвенно свидетельствует об отсутствии нетенденциозной, собственно научной интерпретации русской революции. В этой связи особую значимость приобретают наблюдения и обобщения, основанные на реализации «метода опыта очевидности»: «Тот, кто... желает установить, что есть верное знание предмета, <...> должен осуществить и накопить обширный и разносторонний опыт очевидности» [Ильин 1994: 500—501; см. также: Сковородников 2016: 12—13]. Россиянами накоплен как коллективный, так и индивидуальный «опыт очевидности», позволяющий судить о революционной эпохе.

Для срезового анализа воспользуемся материалами проекта «ОГ» — «Областной газеты» (Екатеринбург, февраль — август 2017; см. рис.).

Опубликованные монологи, каждый из которых представляет собой развернутое аксиологическое суждение, в совокупности могут быть интерпретированы как особый свертхтекст [См.: Купина, Битенская 1994: 214—233], объединенный общей темой, образом автора, хронотопом.

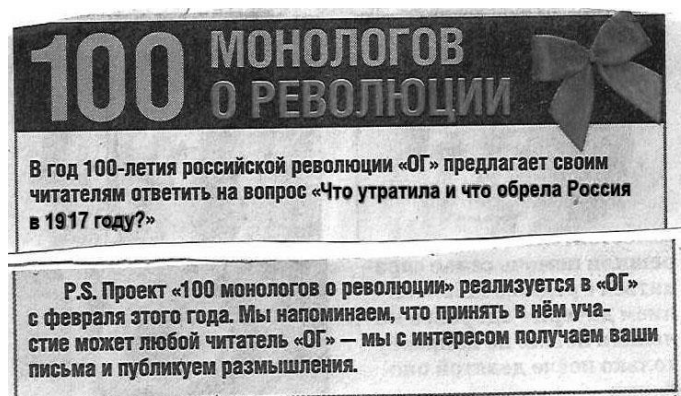

Рис.

Ключевое тематическое слово — *революция*. Его употребление в свертхтексте не только поддерживает общую тему, но и задает ее проблемную разработку (здесь и далее извлечения из газетных публикаций передаются курсивом): *Революция — очень сложный процесс; Споры о революции не затихают до сих пор; Ради чего совершалась революция?* Тематически определенные нейтральные высказывания соседствуют с эмоционально-оценочными: *Русская революция — неудобная тема. Она, как рана, которую как ни тронь — все равно больно.* Именные оценочные предикаты характеризуют грандиозность свершившегося события: *В моем понимании революция как непосредственный процесс — это всегда трагедия; Революция — это величайшая катастрофа в истории России XX века.* Концептуализации [См.: Чудинов 2001: 36] тематической сферы, охватывающей революционную эпоху в целом, способствуют устойчивые образные параллели: *революция (р.) — (свежий) ветер, р. — вихрь, р. — порыв, р. — буря, р. — стихия.* Варианты тематической ключевой номинации: *Октябрьская р., Октябрь, Октябрь 17 года, Великая Октябрьская социалистическая р., Октябрьское восстание, Октябрьский переворот, (великая) русская р., российская р., наша р.* Хронологически отмеченные лексемы *Октябрь, Октябрьский(ая)* подтверждают непреходящую значимость «Октябрь-события».

Из сформировавшегося в языке советской эпохи словообразовательного гнезда с вершиной *революция*, включающего 39 дериватов [Тихонов 1985, т. 2: 27], в свертхтексте регулярно употребляются лишь прилагательные *революционный, дореволюционный*. Вектор отбора тематических слов можно объяснить не только наличием новоизмислов (ревком, реввоенсовет и др.), но и постепенным освобождением современного языкового существования от идеологических ярлыков (*псевдореволюционер, контрреволюционный* и т. п.). Последнее подтверждает вывод социологов о «фантамах в общественной жизни», вызванных, в частности, «противоречиями между желаемой и реальной жизнью, когда субъективные устремления противостоят объективным тенденциям общественного развития» [Тощенко 2015: 63]. «Феномен фантамов» используют в процессе языкового идеологического строительства, направленного на манипуляцию общественным сознанием. «Это особенно наглядно проявляется в лексике тоталитарных идеологий: в этом случае удачный выбор терминов, слово — во многом залог

победы» [Там же: 59] в борьбе с инакомыслием.

Специфика развития темы Октябрьской революции непосредственно связана с образом автора. На поставленный редакцией «Областной газеты» вопрос отвечают жители Урала, других регионов России, представители разных поколений и профессий. Вкрапления формирующих взгляд со стороны монологов иностранных граждан не нарушают целостности данной категории свертхтекста. Коллективный автор — носитель национальной лингвокультуры, использующий накопленный «опыт очевидности» для реализации единой стратегической установки, связанной с осмыслением уроков революции. Для коллективного автора характерна позиция «включенного Я», свидетельствующая о ментально специфическом сочетании «принципа личности с принципом общности» [Бердяев 1997: 279]. Внутри отдельного монолога органически сочетаются «Я-высказывания» и «Мы-высказывания»:

Конечно, последствия революции сказались на каждом из нас. Даже моя жизнь могла сложиться совершенно иначе <...> (С. Ежов, доцент УрФУ). Нам, современникам, конечно, невозможно в полной мере оценить ту общественно-политическую ситуацию, которая сложилась в России в 1917 году. Мы знаем о ней из газет той поры, книг, воспоминаний... Мой отец, например, ровесник Октябрьской революции <...> в детстве и юности он мне много рассказывал о своей жизни — и революция ему дала всё. <...> Нам же, живущим сегодня, надо очень хорошо знать свою историю, чтобы не совершать допущенных ранее ошибок (А. Левин, председатель Свердловского творческого союза журналистов). Мой дед <...> был расстрелян в подвале Тамбовского НКВД <...> Уже при моей жизни он был реабилитирован в годы горбачёвской оттепели... <...> Мы знаем о революционной романтике ниспровергателей прошлого и энтузиазме строителей коммунизма. <...> И всё-таки, на мой взгляд, уроком революции 1917 года является то, что нам не нужны более социальные потрясения (В. Борзов, политолог). Из того, что было утрачено, я выделяю веру. <...> Сегодня мы вновь возвращаемся к вековым канонам... (А. Косинцев, депутат Екатеринбургской городской думы). На мой взгляд, Россия в 1917 году потеряла естественный ход истории. <...> Сейчас мы вновь возвращаемся сильным игроком на мировую арену (А. Русаков, директор Центра европейско-азиатских исследований, Екатеринбург). Мы — поколение, которому тоже

дано стать очевидцем смены веков. И я очень рада, что сегодня <...> **каждый** <...> может почувствовать **свою** причастность к огромной силе под названием „государство“, потому что именно **нам** через 10—20 лет предстоит воплощать в жизнь планы и проекты развития России (Н. Кошкина, студентка).

Субъект-лицо, осознавая свою принадлежность к узкому (например, семья), широкому (например, поколение) кругу «своих», отвечает на поставленные вопросы с общегражданских позиций. Стратегически обусловленное намерение, связанное с рациональным осмыслением заданной темы, как, в частности, показывают приведенные высказывания, проявляется в активном употреблении глаголов интеллектуальной деятельности (*знать, помнить, изучать, думать, обдумывать, осмысливать, понимать, рассмотреть* и др.), а также соответствующих именных производных. Во всех случаях наблюдается реализация независимой коллективной точки зрения, которая, однако, не может быть сиюминутной реакцией, а вырабатывается в процессе погруженных в историческое время размышлений:

Эти сто лет стали для нас серьезным уроком. Общественное мнение стало более мудрым и тонким, мы начали понимать ценность мирной жизни, семьи и ценность отдельного человека. А главное, пришли к пониманию того, что принцип разделения не исключает „соработничества“ с государством (В. Коротков, референт посла России во Франции). **Столетняя дискуссия** о характере, смысле и значении российской революции 1917 года — это зримое свидетельство необходимости ее дальнейшего (непредвзятого и свободного от идеологических клише) **изучения** (В. Каплюков, историк).

Аксиологические суждения, содержащие прямые оценки, позволяют судить о незавершенном процессе деидеологизации (десоветизации) общественного сознания. Присутствуют, но не являются типичными категорические оценки, исключающие возможность противоположной точки зрения. Например: *Мне крайне не нравится нынешнее отношение к советскому периоду. Люди „пляшут на костях“, прикрывая это желанием добиться правды. Но правда не всегда бывает красивой и легкой. И вкладывая силы в свой труд, люди верили, что их усилия окупятся сторицей* (В. Антипин, начальник производственного отдела Группы компаний «Уралстальконструкция»). В монологе В. Антипина выделяются только обретения: *Рывок в индустриальном разви-*

тии, перевооружение всех отраслей народного хозяйства, культуры и быта стали возможными только благодаря Октябрьской революции.

Идеологема исключительности характерна для монологов, в которых превозносятся революционные достижения, но не фиксируются утраты. Реализуются идеологические стереотипы, получающие в контексте возвышенную окраску: *Появилась демократия, и народ с воодушевлением стал совершать трудовые подвиги. Началось строительство государства трудящихся, стали множиться фабрики и заводы. <...> Благодаря революции появился СССР, и наша страна стала промышленным гигантом. Были созданы современная армия, авиация и флот. Мы защитили нашу страну и весь мир от фашизма. Мы полетели в космос, совершили множество огромных прорывов. <...> Всё, что мы имеем, по большей части сделано руками рабочих и инженеров именно советского времени. Поэтому нам надо ценить и советское воспитание, и детсады, и пионерские лагеря, созданные еще при Сталине, и систему советского образования, благодаря которой у нас появились великие люди в разных сферах жизни (И. Упоров, адвокат). Обретения революционной эпохи мотивируются разработкой эффективной идеологии: Ради чего совершалась революция? **В чем ее сила? В идеологии преобразований 1917 года** лежали социальные и демократические принципы, отражающие интересы крестьян и рабочих, то есть большинства граждан. <...> **Идеология позволила объединить многонациональные республики в одно целое сильное государство** <...> Революция дала возможность советскому государству одержать победу над фашизмом — чумой XX века (В. Потанин, директор Нижнетагильского технологического института — филиала УрФУ). Достижения, с апологетической точки зрения, делают несущественными «отдельные недостатки»: При всех обвинениях советской власти в тоталитаризме, номенклатуре и прочем советская социальная система была куда более демократичной не только в сравнении с царским режимом, но и в сравнении с постсоветским периодом и главными держателями демократических принципов — США [Там же].*

В отдельных суждениях обобщаются только утраты: <...> *Я считаю, что революция ничего хорошего не принесла. <...> Революция расколола нацию и уничтожила лучших людей. <...> Революция 1917 года — это большая, огромная ошибка* (Б. Шапиро,

заслуженный деятель искусств РФ). В восприятии последствий «Октябрь-события» ощущается катастрофизм, основанный прежде всего на неприятии насилия и гражданского противостояния: *Для меня Октябрьская революция является величайшей катастрофой начала XX века, самым страшным последствием которой стала Гражданская война. Российская Империя, некогда простиравшаяся от Польши и Финляндии до Камчатки, была расчленена, став полем боя между „красными“ и „белыми“. <...> И „красные“, и „белые“ были крайне жестоки на расправу с теми, кого считали инакомыслящими. И самое главное „наследие“ революции состоит в том, что после 1917 года Россия потеряла не земли, влияние или финансы, а миллионы людей, которые погибли в бессмысленной резне за передел власти в уничтоженной стране* (А. Горновский, студент).

Имплицитно формируется аксиома: «Насилие ничем оправдать нельзя». Ср.: *<...> когда речь идет об утратах России в ходе революции, для меня и моих коллег это прежде всего люди. Противостояние соотечественников — величайшая катастрофа России в XX веке. Сколько судеб, талантов, надежд переехало „красное колесо“... (И. Карпенко, участник российского проекта «Музей в революции / революция в музее», Санкт-Петербург).*

Еще раз подчеркнем, что односторонняя оценка Октябрьской революции не является ведущей. Сверхтекст в целом транслирует мысль о сложности и противоречивости поворотного события века: *Оглядываясь на сто лет назад, на события Октябрьской революции, ставшие историческим водоразделом, сложно делать однозначные выводы* (С. Метелёва, филолог). *Говорить о плюсах и минусах Октябрьской революции непросто — она двулика, как древний римский бог Янус. Причем многие плюсы и минусы двулики: в каждом сидят противоположности* (Б. Долинго, писатель-фантаст). *Я считаю, что любое историческое событие не следует оценивать как плохое или хорошее для страны, это нарушает принцип объективности восприятия* (Д. Бахтеев, преподаватель).

Принцип объективности, исключая идеологический максимализм, проявляется прежде всего в стремлении коллективного автора к тематической определенности, фактографичности, конкретности, в толерантном отношении к позициям противоборствующих сторон (неоднократно используется культурно-специфический стереотип «у каждого своя правда»). Аксиологические суждения

конструируются в границах реального времени. Темпоральная модель (*раньше — теперь, сейчас*) включает давнопрошедшее время (*во времена Российской Империи*); актуальную ретроспекцию (*в советское время*); текущее настоящее. Представление о возможном коммунистическом будущем отсутствует: коммунизм трактуется как утопия: *<...> история показала, что проект Союза Советских Социалистических Республик оказался во многом утопичен, и построение коммунизма, невиданной доселе социально-экономической формации, тоже оказалось нежизнеспособным. В этом я вижу большую трагедию — и не только революционеров, но и их потомков — всей страны, которая поверила в их „правое дело“. Светлая футуристическая идея социального преобразования государственного строя спустя семь-восемь десятков лет оказалась нереализуемой... в том виде, в котором она задумывалась изначально* (С. Спиридонов, сотрудник Государственного музея политической истории России, Москва). *Попытка построить рай на земле под видом коммунистического общества потерпела фиаско* (В. Борзов, политолог).

Линейное время маркируется событиями, каждое из которых получает историческую оценку: *<...> сначала были события 1905 года, затем Февральская и Октябрьская революции 1917-го. Наверно, это было закономерно, потому что страна остро нуждалась в переменах. Ведь всего за полвека до этого в России отменили крепостное право, а по сути рабство. <...> Негативные последствия революции 1917 года преодолеть так быстро не удалось, тем более, что собственно революцией дело не ограничилось, испытания на нашу страну обрушивались одно за другим — Гражданская война, коллективизация, индустриализация. Наш народ всё это выдержал, а затем смог победить и в Великой Отечественной войне* (С. Щербинин, заслуженный тренер России, депутат городской думы Каменска-Уральского). *Великая Отечественная война и завоевание космоса неизменно осмысляются как исторически значимые события: Мы помним победу в Великой Отечественной войне и полет Юрия Гагарина в космос* (В. Борзов, политолог). Поворотное событие — распад СССР. Интерпретация последнего может сопровождаться идеологической тенденциозностью: *А кто виноват в развале СССР? Да, это была глобальная задача Запада* (В. Жириновский). Аксиологически значимой является константная идея связи времен, предполагающая не только продолжение традиций, но и осмысление

современниками роковых ошибок прошлого: *Историю... важно ценить, беречь, какой бы она ни была. Сегодня возрождаются многие традиции, которые были заложены во времена царской России и имели для Урала большую ценность. Например, Ирбитская ярмарка или Правленский сад в поселке Билимбай. А в середине июля в Свердловской области традиционно проходят Царские дни, в которых с каждым годом принимает участие всё больше людей — паломников из России и зарубежных стран. Это люди, которые, как отметил в интервью митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл, прониклись осознанием трагедии вековой давности, прониклись духом великой страны* (Е. Чечунова, руководитель фракции «Единая Россия» в Законодательном собрании Свердловской области).

Современная эволюционная модель времени исключает секвестирование дореволюционного прошлого, стирание исторической памяти: *Революция — это скачок, который прерывает эволюционное развитие. Поэтому Россия потеряла прежде всего то, что было создано „до“: достижения промышленности, сложившийся класс крестьянства, традиции, династии в широком смысле слова, преемственность поколений, что в других странах служит прочным фундаментом развития, наконец — талантливых людей, чей успех вырос в прежних условиях* (В. Осипов, писатель, член Уральского историко-родословного общества). Целостное представление о будущем страны в сверхтексте отсутствует.

Неизменно подчеркивается историческая значимость масштабных обретений, которые, однако, сопровождались невосполнимыми утратами: *<...> с точки зрения истории, Россия получила обновление, модернизацию, которые, безусловно, были необходимы стране. Только вот цена модернизации оказалась крайне высока...* (С. Спиридонов, сотрудник Государственного музея политической истории России, Москва). В речевой структуре сверхтекста выделяются тематические блоки.

Наиболее развернуто представлен тематический блок **«Социально-культурные преобразования»**. Ключевые номинации: *социальное государство, социально ориентированное государство, ликвидация безграмотности, бесплатное образование, бесплатная медицина, социальное положение граждан*. Обобщающее суждение, как правило, располагается перед перечислительным однородным рядом, каждый член которого выступает в функции аксиологического конкретизатора. Например: *Впервые за*

многовековую историю человечества была предпринята попытка создать государство действительно социальное. <...> Государство, в котором средства производства перешли в собственность народа. Благодаря Октябрьской революции Россия сделала громадный шаг в своем развитии: были ликвидированы безграмотность, нищета, появились восьмичасовой рабочий день и бесплатная медицина, женщины получили одинаковые права с мужчинами (А. Папченко, писатель).

В числе достижений выделяются *главные*: *Большевики смогли найти опору в массовом сознании, поставив в качестве главной задачи достижение социализма как общества социальной справедливости* (О. Поршнева, историк). Ср.: *Безусловно, главным достижением Великой русской революции стало образование СССР — новейшей социальной формации, под красным флагом которой прошел весь XX век. Государство, на которое ориентировалось и с которого брало пример большинство стран мира. Советский Союз был образцом справедливого социального государства, задавал высокую планку социальных гарантий* (Е. Белоносов, политолог). Выделение главных обретений проводится с опорой на базовую ценность социальной справедливости.

В отдельных случаях встречаем документальное подтверждение социально-культурных достижений: *Бесспорно, 1917 год принес колоссальные перемены, начиная с того, что читать и писать достаточно быстро научили практически всю страну. В первом пункте декрета Совнаркома, принятого в 1919 году, говорилось: „Всё население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте“. В 1920 году был издан еще один декрет — об учреждении при Главполитпросвете Наркомпроса чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности. <...> В середине 30-х годов в стране было введено всеобщее семилетнее образование. С середины 60-х годов — всеобщее среднее образование; бесплатное среднее профессиональное и высшее образование. Равный доступ к образованию в значительной степени уравнивал социальное положение граждан и их возможности* (С. Метелёва, филолог). Ставшее результатом революционной борьбы социальное равенство, с одной стороны, изменило жизнь людей простых сословий, обусловило перспективы их роста. Обратная сторона — уничтожение аристократии, притеснение интеллигенции, крестьянства.

Аксиологическая константа охватывает

тематический блок **«Индустриализация и электрификация страны»**. *Рывок в индустриальном развитии, перевооружение всех отраслей народного хозяйства... стали возможными благодаря Октябрьской революции, и первой ударной задачей стала тогда электрификация молодой страны. <...> Еще не закончилась гражданская война, а в Уральской области началось строительство Кизеловской районной электростанции в Губахе (В. Антипин, начальник производственного отдела Группы компаний «Уралстальконструкция»). В ряде случаев осуществляется узкоспециальный подход к интерпретации темы: Началась модернизация транспорта. В числе первых в стране 7 ноября 1935 года открылось регулярное движение поездов на электротяге между Свердловском и Нижним Тагилом. Повсеместно шла замена шпал и рельсов. Локомотивный парк пополнялся новой, более мощной техникой. <...> За годы советской власти наше железнодорожное хозяйство было не только полностью восстановлено, но и коренным образом реконструировано на новейшей технической основе (А. Машковцева, сотрудник Музея истории, науки и техники Свердловской железной дороги).*

Обратная сторона индустриализации — разрушение сельского хозяйства: *<...> в погоне за индустриализацией сельское хозяйство революция погубила. Россия могла кормить весь мир, но об этом тогда думали меньше всего. Нужно было срочно развивать промышленность (Е. Бирюков, фотожурналист). Очевидные успехи индустриализации не оправдывают человеческих жертв: Что же касается восторгов по поводу форсирования индустриализации, то если не „кошмарить“ людей с 1917 по 1937 год, то ее можно было провести спокойно, без подвигов и жертв. И не надо было бы ничего форсировать, загоняя людей в лагерь. Лично мне жаль, что качественные перемены в государстве и обществе у нас происходят через резкие скачки и революции (О. Пироговский, предприниматель). Человекоцентризм — отличительная примета анализируемых суждений: Отдельно взятый человек практически не представлял ценности. <...> Мы добились огромных успехов в различных сферах, но все они рассматривались с точки зрения величия страны, но не благополучия ее граждан (Д. Стровский, профессор, Израиль).*

На шкале времени выделяется тематический блок **«Вера»**. Сквозь призму лексической сочетаемости (вера в идею; вера в Бога) выявляются векторы развития аксиоло-

гического выбора. Революция определила всепоглощающую веру в руководящие идеи справедливости, равенства, братства, сплочения перед лицом врага: *<...> в 1917 году родилась великая революционная идея. Она сплотила, говоря газетным языком, в едином порыве народ. Я уверен, что если бы не было этого революционного порыва и той Идеи, которую несли большевики, вспомните, к примеру, лозунги: „все люди — братья“, „пролетарии всех стран, соединяйтесь“ и так далее — то мы бы не победили нацистскую Германию в Великой Отечественной войне. Совсем недавно я прочитал такую же мысль в мемуарах Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова. Он очень четко описывает этот момент. Да, на первый взгляд, это не связано, но народ и власть объединились как раз во время революции. Пожалуй, это единственное, на мой взгляд, что обрела Россия в 1917 году (А. Дёмин, бывший главный тренер национальной сборной СССР по конькобежному спорту). Признается объединяющая и мобилизующая роль революционных идей, способствующих в том числе вовлеченности молодежи в общественно-политические процессы. Одновременно коллективным автором отмечается разрушительное влияние аксиологической субституции на духовно-нравственные устои общества (вера в торжество революционных идей заменила веру в Бога): Сразу после революции началось активное разрушение церквей, через насаждаемый атеизм у людей формировали враждебное отношение к любой вере, несмотря на то, что вера в течение тысячи лет являлась основой нашего государства и общества. Храм, существовавший в каждом человеке, был разрушен, уважение к заповедям, которые сызмальства вкладывались в голову, было вытравлено. И общество, потеряв эту веру, становилось бездуховным <...> На смену духовности пришла идеология, и многие поступки оправдывались ею (А. Косинцев, депутат Екатеринбургской городской думы). Потеряла Россия <...> уважительное отношение к церкви, христианскую терпимость в обществе и народную мудрость. <...> А к 1917 году разделение государства и церкви довели до абсурда и полного отрицания последней, с уничтожением храмов и преследованием священников. Но ни одна государственная структура не может заместить церковь в решении духовных проблем человека (В. Коротков, референт посла России во Франции). Мы поверили в то, что Церковь — вредный и устаревший для со-*

временного общества институт. Печальные итоги таких настроений нам хорошо известны... **Вера в ложь всегда приводит к ужасным последствиям** (К. Корепанов, иерей, поселок Староуткинский). Фиксируется, но не воспринимается с полным доверием возвращение собственно религиозных ценностей в наши дни: Самое парадоксальное, что коммунистическая идея продолжает существовать параллельно с верой в Господа, которая у многих людей стала, к сожалению, уже скорее коммерческим проектом, чем чем-то искренним. Я человек искренне православный, но при этом понимаю людей, которые придерживаются левых взглядов, я прекрасно общаюсь с буддистами. Для меня самое важное — это этические вопросы. Как один человек относится к другому. И заповедь Иисуса — относиться к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе — по сути, остается важнейшей (С. Ивкин, поэт, художник, дизайнер). Вера (в Бога / в Идею) трактуется как проблема личного выбора.

Признание объективных достижений советского народа сопровождается вопросом о цене этих достижений: *После революции... начался подъем в разных сферах жизни, и в конце двадцатых — начале тридцатых годов удалось достичь неплохого экономического положения. Но какой ценой...* (Н. Воробьева, историк). Советский народ достиг впечатляющих успехов в процессе предвоенной модернизации. <...> **Но какова была человеческая цена преобразований?** (О. Поршнева, историк).

На базе слов, в значении которых содержатся семы насилия, физического уничтожения, формируется тематический блок «Жертвы революции».

Репрессивная политика государства противоречит идее социальной справедливости: <...> **справедливое социальное государство...** Но как же быть с **жертвами революции?** Это **тысячи людей, выброшенных из страны.** Причем без средств к существованию, „в чем были“, без права вернуться. Нам об этом не говорили, но оказалось, что всё это цвет и краса нации — литераторы, инженеры, врачи, георгиевские кавалеры, промышленники и предприниматели. А кроме этого — **тысячи расстрелянных, замученных людей. Целыми баржами потопленные солдаты и офицеры. Разруха, голод, взятие заложников, концлагеря...** <...> **Утопленная в крови страна** <...> В 1929—1930 годах у крестьян **отняли** данную после революции **землю**, а тех, кто

успел подняться своим трудом, **объявили кулаками** <...> **Поиск скрытых врагов** с легкой подачи власти не уменьшился со временем, а только усиливался вплоть до 1953 года. **Целые кампании репрессий, ссылки целых народов...** (В. Сахновский, предприниматель). Частотной является лексема репрессии: **А вот наши утраты. Репрессии по классовому принципу, продолжавшиеся долгие годы и после победы революции** (Б. Долинго, писатель-фантаст). Прослеживается мысль о персональной ответственности за репрессии: **Сталин утопил руки в крови народной** (И. Давыдов, писатель, журналист). Общим является суждение о безнравственности оправдания репрессий идеей революционной целесообразности: <...> **были... трагические страницы в истории Советского Союза. Невинные узники сталинских лагерей, насильственное переселение народов. Это нельзя оправдывать** диалектикой развития общества или необходимостью индустриализации. **Понять можно, оправдать нельзя** (А. Папченко, писатель). Таким образом, главной ценностью — даже в период революционных преобразований и цивилизационных сломов — остается человек. Не подвержено времени сострадание к жертвам революции. Коллективный автор с пониманием относится к революционной романтике, энтузиазму и достижениям строителей социализма, но отвергает насилие по отношению к человеку. Задача современников — **понять, почему благие идеи, заложенные в основу революции, на практике дали такой противоречивый результат. Чтобы в будущем не повторить этих ошибок** (С. Щербинин, заслуженный тренер России, депутат городской думы Каменска-Уральского). Социальная справедливость, духовность, сострадание, свобода выбора — вневременные ценностные константы, объединяющие аксиологические суждения о русской революции.

Проведенный анализ показывает, что толкования слова *революция* в современных словарях и справочниках лишены идеологических добавок и ориентированных на адресата догматических установок. В то же время обыденное восприятие революционной эпохи характеризуется редукцией идеологического максимализма, но не полным его исчезновением. Основной массив аксиологических суждений о революции 1917 года обнаруживает, что ее коллективное осмысление происходит в направлении от идеи к понятию [о противоположной направленности см.: Бартмицкий 2015].

Сдвиги в картине мира россиян обуслов-

лены меняющимся отношением к революционной эпохе, которое складывается без вмешательства идеологического диктата на основе человекоцентризма, объективного осмысления накопленного «опыта очевидности», восстановления эволюционной модели реального времени.

ИСТОЧНИКИ (СЛОВАРИ И ТЕКСТЫ)

1. АЛ = Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. — М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. — М. : Советская энциклопедия, 1968. 600 с.
3. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
4. НЭС = Новый энциклопедический словарь. — М. : Большая российская энциклопедия, 2001. 1451 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1984. 15-е изд., стер. 816 с.
6. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. А. П. Евгеньева. — Л. : Ленинград. отд. изд-ва «Наука», 1971. 856 с.
7. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 2. — М. : Русский язык, 1985. 886 с.
8. ТСРЯ = Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
9. ТСУ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. Т. 1, 1935. 1564 с. Т. 3, 1939. 1424 с.
10. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — М. : Русский язык, 1978. 688 с.
11. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд., стер. — М. : Политиздат, 1987. 590 с.
12. 100 монологов о революции // Областная газета. Екатеринбург, февраль — август 2017.

ЛИТЕРАТУРА

13. Бартминский Е. Солидарность: между понятием и идеей? // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. — М. : Индрик, 2015. С. 363—379.

N. A. Kupina
Ekaterinburg, Russia

THE OCTOBER REVOLUTION: DICTIONARY DEFINITIONS AND AXIOLOGICAL ASSERTIONS OVER THE COURSE OF TIME

ABSTRACT. The article deals with lexicographic data and axiological assertions concerning the October Revolution. The analysis is aimed at revealing shifts in the worldview caused by the changing attitudes of the Russian people to the events of the October Revolution. It is proved that the standard way of defining the ideologemes 'revolution' and 'communism', the use of ideologically 'strong' contexts in the Soviet dictionaries are consistent with the precept 'Marxism-Leninism teaches'. Ideologically adjusted interpretation of the Soviet revolution supported a fixed time model in the worldview: sequestered retrospect; the prolonged actual present, incorporated in the revolution epoch; and the communist future. The following conceptually important characteristics are revealed: consistent historical pattern of the revolution, its class character, the violent overthrow of the previous regime and attractive prospects for the future. The author outlines mechanisms of sacralization of the ideologeme 'revolution'. It is noted that the definitions in modern dictionaries do not have an ideological touch of Leninist revolutionary theory. The lexeme 'communism' is considered to be a mythologeme. A special analysis has been carried out using materials of *Oblastnaya gazeta's* project (Ekaterinburg, February — August 2017) '100 monologues about the revolution'. Each monologue is a comprehensive axiological assertion. All the assertions are analyzed as a supertext having in common the theme of the revolution, the chronotope and the image of the author who is fulfilling the strategic aim of understanding the phenomenon of the Russian revolution. Particular attention is paid to the linguo-axiological analysis of the thematic groups 'social changes', 'industrialization', 'faith', 'victims of the revolution'. It is established that the shifts in the Russian worldview are caused by the decay of ideologemes of historical immensity of the revolution and revolutionary violence, class nature, the restoration of the evolutionary model of real time with no clear understanding of the country's future. Collective understanding of the revolution is developed from an idea into a concept on the basis of human-centrism and the integrating function of eternal values of justice, spirituality, compassion, freedom of choice.

KEYWORDS: axiological statement; basic values; ideologeme; political ideology; linguistic worldview; model of time; October Revolution; lexicography.

ABOUT THE AUTHOR: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

14. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1979. 424 с.

15. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М. : ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 245—412.

16. Гаспаров Б. М. Язык — разноречное единство: плюрализм речевого поведения как основа коммуникативного взаимодействия говорящих // Русский язык в многогортном социокультурном пространстве : [моногр.] / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 14—41.

17. Григорьев В. П. Кое-что о стилевой политике // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина. — М. : Языки славянской культуры, 2007. С. 138—150.

18. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М. : Наука, 1984. 268 с.

19. Ильенко С. Г. О контекстуальном компоненте толкового словаря // Русистика: избр. тр. / С. Г. Ильенко. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 614—619.

20. Ильин И. А. Путь к очевидности / Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — М. : Русская книга, 1994. Т. 3. С. 383—560.

21. Клемперер В. ЛТ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. — М. : Прогресс — Традиция, 1998. 384 с.

22. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура : [моногр.] / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург : Ин-т развития регионального образования Департамента образования Администрации Свердловской области, 1994. С. 214—233.

23. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Изд. 2-е, испр. и доп. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 186 с.

24. Пантин И. К. Россия в мире: историческое самоузнавание: размышления в связи с книгой М. Я. Гефтера «Из тех и этих лет» // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 20—30.

25. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет. — М. : Работник просвещения, 1928. 248 с.

26. Сковородников А. П. Экология русского языка. — Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2016. 388 с.

27. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. — М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

28. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

REFERENCES

1. AL = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika / pod red. G. N. Sklyarevskoy. — M. : Eksmo, 2006. 1136 s.
2. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka / pod red. L. A. Cheshko. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1968. 600 s.
3. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Tolkovyy slovar' yazyka Sovdep. — Spb. : Folio-Press, 1998. 704 s.
4. NES = Novyy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2001. 1451 s.
5. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. — M. : Russkiy yazyk, 1984. 15-e izd., ster. 816 s.
6. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. V 2 t. T. 2 / gl. red. A. P. Evgen'eva. — L. : Leningrad. otd. izd-va «Nauka», 1971. 856 s.
7. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka. V 2 t. T. 2. — M. : Russkiy yazyk, 1985. 886 s.
8. TSRYa = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / otv. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2008. 1175 s.
9. TSU = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. prof. D. N. Ushakova. — M. : Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. T. 1, 1935. 1564 s. T. 3, 1939. 1424 s.
10. Uchebnyy slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka / pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. — M. : Russkiy yazyk, 1978. 688 s.
11. Filosofskiy slovar' / pod red. I. T. Frolova. 5-e izd., ster. — M. : Politizdat, 1987. 590 s.
12. 100 monologov o revolyutsii // Oblastnaya gazeta. Ekaterinburg, fevral' — avgust 2017.
13. Bartmin'skiy E. Solidarnost': mezhdru ponyatiem i ideey? // Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture. — M. : Indrik, 2015. S. 363—379.
14. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. — M. : Iskustvo, 1979. 424 s.
15. Berdyaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma // Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma / N. A. Berdyaev. — M. : ZAO «Svarog i K», 1997. S. 245—412.
16. Gasparov B. M. Yazyk — raznorechnoe edinstvo: plyuralizm rechevogo povedeniya kak osnova kommunikativnogo vzaimodeystviya govoryashchikh // Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve : [monogr.] / otv. red. B. M. Gasparov, N. A. Kupina. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2014. S. 14—41.
17. Grigor'ev V. P. Koe-cto o stilevoy politike // Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysin. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2007. S. 138—150.
18. Dridze T. M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii. — M. : Nauka, 1984. 268 s.
19. Il'enko S. G. O kontekstual'nom komponente tolkovogo slovaryia // Rusistika: izbr. tr. / S. G. Il'enko. — SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2003. S. 614—619.
20. Il'in I. A. Put' k ochevidnosti / Sobr. soch. : v 10 t. / I. A. Il'in. — M. : Russkaya kniga, 1994. T. 3. S. 383—560.
21. Klemperer V. LTI. Yazyk tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa. — M. : Progress — Traditsiya, 1998. 384 s.
22. Kupina N. A., Bitenskaya G. V. Sverkh tekst i ego raznovidnosti // Chelovek. Tekst. Kul'tura : [monogr.] / pod red. N. A. Kupinoy, T. V. Matveevoy. — Ekaterinburg : In-t razvitiya regional'nogo obrazovaniya Departamenta obrazovaniya Administratsii Sverdlovskoy oblasti, 1994. S. 214—233.
23. Kupina N. A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaksii. Izd. 2-e, ispr. i dop. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 186 s.
24. Pantin I. K. Rossiya v mire: istoricheskoe samouznaniye: razmyshleniya v svyazi s knigoy M. Ya. Geftera «Iz tekhn i etikhn let» // Voprosy filosofii. 1993. № 1. S. 20—30.
25. Selishchev A. M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi: iz nablyudeniya nad russkim yazykom poslednikhn let. — M. : Rabotnik prosveshcheniya, 1928. 248 s.
26. Skovorodnikov A. P. Ekologiya russkogo yazyka. — Krasnoyarsk : Sibirskiy federal'nyy un-t, 2016. 388 s.
27. Toshchenko Zh. T. Fantomy rossiyskogo obshchestva. — M. : Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. 668 s.
28. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2003. 248 s.